

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.02)*

УДК 81

М.У. Сулейбанова*Чеченский государственный университет**г. Грозный, Чеченская Республика, Россия*sulejbanova.ru@mail.ru**ОТГЛАГОЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ
КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ
ДЛЯ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ****[*Marzhan U. Suleibanova* Related derivation
as a universal category for different languages]**

The most specific area is intra-verbal word formation, in which distinct differences are primarily due to ways and means of word formation. Prefix verbal word formation, including prefix-complex, is widely represented, as is known, in the Russian language. Prefix-complex verbs: to impregnate, to pacify, to unfold. Noun cluster: to charity (old bookish), to plot (obsolete). Intraglotal prefixation is quite active in Nakh languages, mainly composite derivation. The function of prefixes of verbal composites uses postpositions, as well as a few original and borrowed prefixes: postpositions (serving as prefixes): Chechen, Ingush: chu – in, inside, chukhosavala – sprygut, tte – on, tte tasavala – pounce.

Key words: intra-verbal word formation, intraglotal prefixation, ways and means of word formation.

Глагол может выступать в качестве производящей базы для имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Наиболее специфической областью является внутриглагольное словообразование, при котором ярко выраженные различия обусловлены, прежде всего, способами и средствами словообразования. Отличительной чертой русского внутриглагольного словообразования является префиксация, интерес к которой в процессе развития науки о языке не только не убывает, но и возрастает (М.А. Кронгауз, 1998; М.В. Черепанов, 2004; О.И. Дмитриева, 2005).

Префиксальное глагольное словообразование, в том числе и префиксально-сложное, широко представлено в русском языке. Префиксально-сложные глаголы: *оплодотворить, умиротворить, размокропогодить*

(разг.). Сращения: *благоворить* (книжн. устар.), *злоумышлять* (устар.), *заблагорассудиться* (безл.); прост. *чайпить*: *И сразу же после еды они чайпили...* Именно «чайпили», а не пили чай. Глагол и существительное объединялись таким образом в одно сложное слово, в некий глагол, который можно даже спрягать (Г. Семенов). Сращения в сочетании с суффиксацией: *христарадничать* (устар.), окказ.: *Женатый человек не будет так очертяголовничать»* (И. Ефремов).

Окказиональные глаголы образуются также посредством сложения в сочетании с суффиксацией и постфиксацией (*Как ты там, моя медведица – / ковшик в проруби ночной? Как тебе там семизвездится / рядом с желтой луной?* – О. Тарутин) и в сочетании с префиксацией и постфиксацией: *Тебя покритиковали? Теперь отсамокритикуйся!* (Н. Евдокимов).

Комбинированное основосложение, как и чистое основосложение, широко представлено среди композитов в составе глагольных гнезд. Оно реализуется в таких видах, как сложение в сочетании с префиксацией, сложение в сочетании с суффиксацией, в том числе и нулевой. Производносложные слова образуются в результате префиксации и суффиксации. Способы их производства рассматриваются нами параллельно с такими же способами, но осложняющими композицию, с целью сравнения.

Сложение в сочетании с префиксацией в современном русском языке представлено одним словом в составе глагольных гнезд – прилагательным *в-пол-открытый* – наполовину открытый, в котором элемент *пол* выполняет функцию префиксоида, обозначающего неполноту действия, выраженного производящим словом.

Внутриглагольная префиксация достаточно активна в нахских языках в основном композитной деривации.

В функции префиксов глагольных композитов используются послелого, а также немногочисленные исконные и заимствованные префиксы:

1. послелого (выступающие в функции приставок – префиксов): чеч., инг. *чу-* «в, внутрь», *чу-кхосавала* «спыгнуть», *tle-* «на», *tle-тасавала* «наброситься», *хьала-* «верх», *хьала-кхосавала* «прыгать», *dla-* «туда», *дехьа* «через», *dla-кхосавала* «отскочить», *схьа-* «сюда», *схьа-вавала* «суметь прийти», чеч. *klɛl-*, инг. *klal-* «под», *klɛl-кхосавала* «прыгнуть под» и др. Соответствия этим послелогам имеются и в бац-

бийском языке, при этом семантически шире здесь дахь-, употребляемый в значениях, характерных для чеч. *ɔla-*, *dex̃a*. Активность проявляет в бацбийском языке префикс *чу-*, образующий множество глаголов, соответствующих в своем большинстве чеченским и ингушским: *чухъажар* «посмотреть (внутри)», *чухаъар* «сесть (внутри)», *чухецар* «впускать; спускать», *чутаIар* «согнуться, погнуться; сгорбиться», *чуозар* «вобратить; вдохнуть», *чуэккхар* «прыгать (внутри)», *чуверзар* «завернуть (к кому-л.)», *чутиегар* «вшивать, делать вставку», *чутасар* «бросить (во что-л., с чего-л.)», *чутакхар* «втащиться, вползти» и др.

2. префиксы – классные показатели *б*, *д*, *й*, *в* во всех нахских языках (функционирующие и окаменелые); других префиксов (исконных или заимствованных) в собственном смысле этого слова нет в чеченском и ингушском языках.

Как отмечалось выше, приведенные и подобные им слова в нахском языкознании относят к префиксальному словообразованию. Действительно, если говорить о собственно глагольном словообразовании, с помощью префиксов, возводимых, как правило, к послелогам, образуются глаголы: *хъажа* – *чухъажа*, *вада* – *чувада*, *вала* – *хъалавала*, *восса* – *охъавосса* и т.п. Вряд ли правомерно, с точки зрения синхронного словообразования, относить к словообразовательной префиксации присоединение классных экспонентов, состоявшееся в неопределенном историческом прошлом и неактуальное для словообразовательной системы нахских языков в их нынешнем состоянии. Однако относить к префиксально-суффиксальному способу образование масдаров типа *чухъажар*, *охъавоссар*, *дехъавалар* вряд ли правомерно: это суффиксально образованные от соответствующих префиксальных глаголов масдары [6, с. 236].

Русский и чеченский языки принадлежат к разным структурным группам, однако можно утверждать, что отглагольное словообразование является для них универсальной категорией. При сравнении отглагольных производных русского и чеченского языков обнаруживается, что существующая семантическая близость не исключает структурных несовпадений. Однако, как пишет А.А. Аминова, «<...> имеются некие параметры, как общие подходы к составляющим в деривационном процессе».

В сопоставляемых языках используется единый понятийный аппарат; глагол рассматривается с точки зрения обусловленности лексических, грамматических и словообразовательных характеристик, сходство наиболее важных типов номинации дают возможность проводить системное сопоставление и сравнение словообразовательных единиц в плане номинативной теории, для которой не имеет особого значения, какие именно единицы – аналитические или синтетические – выбираются для лингвистического анализа» [1, с. 5]. Исходя из вышесказанного, мы считаем необходимым наметить круг проблем, которые ставит перед нами задача сравнительного анализа гнезд отглагольной деривации разносистемных языков.

Известно, что вопрос о тождестве словообразовательных гнезд разносистемных языков должен быть связан с активностью тех или иных частей речи. Важной составляющей сравнительного изучения отглагольных деривационных гнезд следует считать ответ на вопрос: как квалифицировать глагол в виде мотивирующей базы в русском и чеченском языках, то есть слова каких частей речи образуются от глагола в обоих языках и набором каких словообразовательных значений они обладают? По своей продуктивности глагольные гнезда в русском языке находятся на втором месте после имен существительных – 30,71% [4, с. 170].

В нахских языках глагол также имеет высокий потенциал деривационной активности. При исследовании словообразовательных гнезд сопоставляемых языков обнаруживаются значительные различия в их количественном составе. Это объясняется как своеобразием грамматической структуры разносистемных языков, так и словообразовательной возможностью соотносительных исходных слов. Большинство дериватологов склонны считать словообразовательный потенциал той или иной части речи непосредственной составляющей той или иной лексико-семантической группы. При исследовании словообразовательных структур ученые обнаруживают, что словообразовательное значение типа, привносимое формантом, почти всегда обусловлено лексико-семантической спецификой производящих слов. Исследователи, пытаясь дать более расширенное описание, как правило, обращаются к словообразовательному аспекту и выясняют, что некоторым ЛСГ свойственно наличие определенной парадигмы глаголов, имеющих один и тот же словообразовательный тип. В рамках одной и той же ЛСГ им

свойственны своеобразные функционально-семантические парадигмы, составляющие ряды концептов с различными отличительными признаками, а также сближающиеся по способам выражения (лексико-семантические). Исследование количественного состава отглагольных словообразовательных гнезд, производящей базой для которых являются разные ЛСГ, дает возможность утверждать, что глаголам движения свойствен значительный словообразовательный потенциал. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова в словообразовательное гнездо с исходным словом *ходить* входит 470 производных, *вести* – 507, *нести* – 541. Значительно меньшей деривационной активностью отмечены глаголы действия, преобразующего воздействия (физического воздействия на объект), глаголы психической деятельности и другие. Следует отметить, что исчерпывающее формально-семантическое изучение словообразовательных гнезд одной ЛСГ является важной лингвистической задачей, потому что позволяет определить влияние значения базовой единицы на структурную составляющую гнезда, выявить специфику образования производных различных частей речи в гнездах слов данной ЛСГ, а также показать как воздействует значение базовой единицы на потенциал тех или иных категорий производных единиц на разных ступенях словообразования [3, с. 176].

В дериватологии имеются различные гипотезы по данному вопросу. Т.А. Ацаркина описала глаголы движения в польском, чешском и русском языках и проиллюстрировала взаимосвязь значения глагола, его интенционной структуры со словообразовательными возможностями. Автор считает, что лексическое выражение деривационных возможностей производящего глагола находится в прямой зависимости от определенного числа составляющих разного порядка, в числе которых важное место отводится структуре интенционного поля глагола, его словообразовательной валентности. Термино-понятия «интенция» и «валентность», перенесенные из современной семантики в область дериватологии, дают возможность спрогнозировать словообразовательный потенциал глагола, даже в условиях, когда конкретная лексикализация находится в непосредственной зависимости от достаточного количества особых для любого языка факторов условий – узуса, функциональных факторов, конкуренции с синонимическими единицами, в том числе образованными от других основ [2, с. 221].

Методом обоюдного сравнения словообразовательных гнезд при сравнительном исследовании можно наметить поле производных, характеризующих один язык и отсутствующих в другом. Например, отглагольные словообразовательные гнезда русского языка с базисными словами – глаголами движения – характерны корреляты с семантикой однонаправленности/ неоднонаправленности. В бесприставочных коррелятивных глаголах с семантикой движения базисным выступает однонаправленный глагол [7].

В нахских деривационных гнездах корреляционные пары могут выглядеть так: *идти, ходить – ваха, эха; прийти, приходиться – ван, йан, бан, кхача; скакать, скачут – хахка, хохку; течь, течет – иеха, обху;*

В русском отглагольном словообразовательном гнезде значительная роль отводится префиксальным глаголам, которые отсутствуют в нахских языках по его грамматическим особенностям. Глаголы движения примечательны своими видовыми корреляциями и словообразовательным потенциалом: они образуются при помощи практически всех имеющихся в русском языке приставок. «Гибкая и разветвленная система глагольной префиксации в славянских языках позволяет словообразовательными средствами выразить различные характеристики действия: его результативность /нерезультативность, кратность, продолжительность, определенную фазу протекания, интенсивность, пространственную направленность» [5, с. 161].

Для выражения семантики анализируемых концептов в нахских языках используются композитные образования, в которых один из компонентов выполняет модифицирующую, уточняющую функцию: *скакать, скачут – хахка, хохку; течь, течет – иеха, обху*, тогда как во второй основе сосредоточивается основное значение. Некоторые исследователи-кавказеды склонны считать, что подобные аналитические формы выражают семантику аспектуальности. Видовая семантика в нахских языках отражается в глагольной парадигматике. Чеченские сложные глаголы являются структурно-семантическими эквивалентами русских префиксальных глаголов и полноправными составляющими чеченского словообразовательного гнезда.

Ядро префиксальных глаголов движения обнаруживается в словообразовательном гнезде на первой деривационной оси: *знать – выгнать, загнать, перегнать* и т.д. Здесь могут реализовывать себя и префиксально-постфиксальные глаголы, аналоги которых в чеченском языке – сложные глаголы:

лалла – аралалла, чулалла, дехьлалла и т.д.; скакать – прискакать – хахка – длахахкавала; лететь – отлететь, тIемавала – тIемаваьлла и другие.

На втором деривационном шаге от префиксальных глаголов образуются видо-высказательные корреляции: *гнать* → *загнать* → *загонять*; *везти* → *вывезти* → *вывозить*.

Производные подобной структуры в чеченском словообразовательном гнезде: *ваха* – *чуваха* – *чуиеха*; *вада* – *аравада*, *араида*.

На второй и третьей ступенях деривации в глагольных словообразовательных гнездах русского языка обнаруживаются причастия, например: *падать* → *падающий*; *скакать* → *скачущий*, и существительные: *бежать* → *забежать* → *забег*; *ходить* → *приходить* → *приход* и другие.

В чеченском языке: причастие: *охъавуожа* (*падать*) – *охъавоьжнарг* (*упавший*); и существительные: *ходить* – *иеха* – *дIиеха* – *дIаиехар* (*уход*) и другие.

В целом можно констатировать, что глаголы движения русского и чеченского языков представляют собой своеобразный лексико-грамматический разряд слов. Специфика структурно-семантической организации их словообразовательных гнезд определяется, главным образом, внутриглагольным словообразованием, а также частеречным составом производных на всех ступенях деривации.

Исследование отглагольных словообразовательных гнезд русского и чеченского языков дало возможность определить наличие или отсутствие тех или иных лексико-грамматических и морфологических категорий, которые получили реализацию в производной лексике обоих языков, и более детально исследовать системно-структурную организацию глагола как части речи.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Аминова А.А.* Производный глагол в сопоставительном аспекте. Казань, 1993.
2. *Ацаркина Т.А.* Семантика глагола и его словообразовательные возможности (на материале глаголов движения в польском языке в сопоставлении с чешским и русским) // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. М., 1997.
3. *Лукашанец А.А.* Структурно-семантическая характеристика глагольных словообразовательных гнезд в белорусском языке // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. Владивосток, 1989.

4. *Моисеев А.И.* Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Учебное пособие. Л., 1987.
5. *Петрухина Е.В.* Основные принципы сопоставления модификаций глагольных действий в славянских языках // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. М., 1997.
6. *Сулейбанова М.У.* Композитное словообразование в нахских языках // Дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. Махачкала, 2009.
7. *Тихонов А.Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.

R E F E R E N C E S

1. *Aminova A.A.* Derived verb in a comparative aspect. Kazan, 1993.
2. *Atsarkina T.A.* The semantics of the verb and its derivational possibilities (on the mother of the verbs of movement in Polish in comparison with the Czech and Russian) // Problems of studying equivalence relations in the Slavic languages. M., 1997.
3. *Lukashanets A.A.* Structural and semantic characteristics of verbal word-building nests in the Belarusian language // Derivational types and nests in synchrony and diachronia. Vladivostok, 1989.
4. *Moiseev A.I.* Basic questions of word formation in the modern Russian literary language. Tutorial. L., 1987.
5. *Petrukhina E.V.* Basic principles of comparison of modifications of verbal actions in Slavic languages // Problems of studying equivalence relations in Slavic languages. M., 1997.
6. *Suleybanova M.U.* Compositional word formation in Nakh languages // Thesis. Makhachkala, 2009.
7. *Tikhonov A.N.* The problems of compiling a nested word-building dictionary of the modern Russian language. Samarkand, 1971.

5 июня 2018 г.